

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

УДК 94 (47) 084.6

**«ЛИШЕНЦЫ» ЗАПАДНОГО ПРЕДМЕСТЬЯ МОСКВЫ
КОНЦА 20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

Михаил Федорович ПРОХОРОВ

Российский государственный университет туризма и сервиса

г. Москва, Россия

2210. mfp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена советским гражданам, лишенным избирательных прав в период конца 20-х – первой половины 30-х годов XX в. Территориально рассматриваемая тема охватывает западное предместье Москвы. В состав этой местности входили село Фили-Покровское, деревни Фили, Мазилово и Давыдково, поселки Кутузовская слобода и Кунцево (в 1925 г. преобразован в город). Изучаемый район выделялся развитыми промышленностью и сельским хозяйством.

Источниковой базой работы явились документы, хранящиеся в архивах Москвы и Московской области – ЦМАМ и ЦГАМО. Источники представлены именными списками «лишенцев» и членов их семей, протоколами заседаний избирательных комиссий, жалобами, личными делами, справками и т.д. Документы впервые вводятся в научный оборот. В литературе отсутствуют работы по изучаемой территории, хотя указанная проблематика получила достаточное отражение в российской историографии.

В статье выясняется численность «лишенцев» и их погодная динамика по селениям. Особое внимание уделено мотивам лишения, его критериям и правовой обоснованности. Автор затрагивает также вопрос о подходе властей к принципам и механизму восстановления «лишенцев» в правах.

В статье приводятся конкретные данные о судьбах «лишенцев» и членов их семей из среды крестьян и священнослужителей. Изложенные факты указывают на бесправное положение «лишенцев», разрушение общинных и семейных традиций,

связей с обществом. Судя по документам, «лишенцы» становились в социуме изгоями, не имеющими прав на труд, социальные льготы, нормальный быт и отдых. Источники свидетельствуют о том, что Советское государство пытается путем репрессивных форм принуждения и насилия обезопасить себя от идеологически чуждых и враждебных слоев населения. Практически шла генеральная репетиция к «большому террору» 1936–1938 гг.

Публикуемый материал может быть использован при изучении политической истории страны, а также истории местного края.

Ключевые слова: восстановление, крестьяне, «лишенцы», обжалование, отказ, священнослужители, советская власть, угроза

Для цитирования: Прохоров М.Ф. «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 92-115

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

Original article

“LISHENETSY” OF THE WESTERN SUBURBS OF MOSCOW IN THE LATE 20S – THE FIRST HALF OF THE 30S OF THE 20th CENTURY

Mikhail F. PROKHOROV

Russian State University of Tourism and Service

г. Moscow, Russia

2210. mfp @mail.ru

Abstract. The article is devoted to soviet citizens, disenfranchised in the period of the late 20s – the first half of the 30s of the 20th century. The geographically considered topic covers western suburb of Moscow. The composition of this area included Fili-Pokrovskoye village, villages Fili, Mazilovo, Davydkovo, settlements Kutuzovskaya sloboda and Kuntsevo (in 1925 it was transformed into a city). The studied area was distinguished and agriculture.

The source base of the work, stored in the archives of Moscow and the Moscow region – TSMAM and TSGAMO. The sources are represented by personal lists of the deprived and their family members, minutes of meetings of election commissions, complains, personal files, certificates, etc. The documents are being introduced into scientific circulation for the first time. In the literature there are practically no works on the studied territory, although this problem got enough reflection reflected in Russian historiography.

The article finds out the number of deprived and their weather dynamics in the villages. Special attention is paid to the reasons for deprivation, their criteria and legal validity. The author also touches upon the issue of the approach of the authorities in the principles and mechanism of restoring the lishenets, of their rights. The article provides specific data on the fate of the deprived and their family members from among peasants and clergy. The stated facts point to the disenfranchised position of the deprived the destruction of community and family traditions, ties with society.

Judging by the documents the lishenetsy, and their families became outcasts in society having no rights to work social benefits normal life and rest. Sources indicate that the Soviet state is trying through repressive from of coercion and violence to protect itself from ideologically alien and hostile segments of the population. There was practically a general rehearsal for the “great terror” of 1936–1938.

The published material can be used in the study of the political history of the country as well as the history of the local region.

Keywords: recovery, peasants, lishenetsy, appeal, rejection, clergy, Soviet regime, menace.

Для цитирования: Prokhorov M.F. “Lishenetsy” of the western suburbs of Moscow in the late 20s – the first half of the 30s of the 20th century. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 92-115 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

После Октябрьской революции 1917 г. в России формируется новая советская цивилизация, основанная на большевистской доктрине диктатуры пролетариата, антагонизме классов, отрицании частной собственности на основные средства производства и капитал, ориентации коллективистских начал в социуме. Подобная большевистская позиция коренным образом меняла социально-экономическую, политическую и духовную жизнь общества. При строительстве социалистического государства использовались не только агитационно-воспитательные меры, но и принудительные. К методам насилия с первых дней советской власти относились красный террор, аресты, тюремное заключение, расстрел, конфискация имущества, ссылка, лишение гражданских прав и т.д.

В законодательных и нормативных актах до 1936 г. особое место занимали статьи, связанные с лишением избирательных прав граждан СССР (так называемыми лишенцами). Лица, отдельные социальные группы и слои с клеймом «лишенец» в правовом аспекте являлись изгоями общества, бесправными людьми второго сорта. По законодательству того времени, граждане, негодные советской

политической системе, не имели права участвовать в пассивном и активном избирательном праве, вступать в профсоюзы или кооперативы, устроиться на работу, участвовать в общественных организациях, получать социальные льготы и кредиты, облагались дополнительными индивидуальными налогами. Члены семей «лишенцев» также находились в аналогичном положении, а образование детей ограничивалось только школой.

В условиях современной социальной трансформации российского общества, появления разнообразных страт и маргинальных групп, их диалога с властью возникает актуальная необходимость изучения трагических взаимоотношений власти и значительной части общества в 20–30-х годах XX в. Такой подход вселяет надежды не повторить подобных драматических ошибок прошлого. Президент РФ В.В. Путин, выступая 8 декабря 2016 г. на заседании Совета по правам человека, подчеркивал: «Нам нужно научиться воспринимать прошлое нашей страны таким, какое оно есть, помнить и светлое, но не забывать и трагические страницы нашей истории» [1].

Изучение указанной тематики имеет не только идейно-политическую, но и историко-культурную значимость, позволяющую лучше понять государственный строй того времени, его сильные и слабые стороны, истоки его будущего распада [2].

Не случайно подобная проблематика не могла не найти отражения в современной российской историографии. В постсоветский период выходят многочисленные публикации, как правило, регионального характера, затрагивающие природу, сущность и последствия такого трагического явления, как лишение избирательных прав. Активно разрабатывается рассматриваемая тема историками Урала, Сибири, Центральной России, Черноземного центра, Поволжья. На диссертационных советах соискатели защищают кандидатские и докторские диссертации по названной тематике. Привлекая материал местных областных архивов, исследователи выясняют особенности формирования института «лишенцев» в том или ином районе, их социальный портрет, взаимоотношения с властью, специфику правового положения, бытовые и материальные условия, последствия нового статусного положения, попытки адаптации к изменившимся реалиям [3].

Ряд работ по своему содержанию и постановке вопросов выходит за рамки локальных исследований и приобретает общероссийский характер. Авторы затрагивают сущность и природу возникновения такой категории населения, как «лишенцы», правовые нормы политики центральной и местной власти и их противоречивый характер, численность «лишенцев», их удельный вес по отношению ко всем жителям СССР, негативные последствия подобной политики для социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни страны. Особо подчеркивается дискриминационный характер принимаемых мер, их репрессивная направленность на ликвидацию чуждых советскому

строю враждебных сил. По мнению исследователей, действия властей подрывали традиционные устои семьи и крестьянского мира, создавали атмосферу вражды и ненависти как к власти, так и к обществу. Историки приходят к важному выводу о том, что практика лишения избирательных прав была прелюдией к «большому террору» 1936–1938 гг. [4].

В исторической литературе публикуются работы о положении «лишенцев» из среды священнослужителей, горожан, крестьян, «бывших», чиновников, помещиков и т.п. Выясняются критерии и особенности зачисления в категорию «лишенцев», механизм восстановления в правах или отказ в ходатайстве, судьба пораженных в правах, их место в социуме, взаимоотношения с властью и обществом [5].

Авторы затрагивают вопросы источниковедческого характера: состав и содержание документов, их классификация, приемы и способы анализа и обработки [6].

Появляются и отдельные археографические издания, связанные с публикацией законодательных и нормативных актов, протоколов заседаний местных избирательных комиссий, воспоминаний «лишенцев» [7].

Несмотря на активное изучение в литературе исследуемой темы, до сих пор в ее решении остаются белые пятна. На макроуровне нет обобщающих работ, которые охватывали в комплексе все стороны этих драматических событий в масштабе всей России. На микроуровне остаются неизученными многие локальные территории (села, поселки, волости, уезды, районы). Именно к такой малоизученной местности следует отнести западное предместье Москвы, которое является предметом рассмотрения в данной статье. Эта территория включает ближайшие к Москве сельские поселения – село Фили-Покровское, деревни Фили, Мазилово и Давыдково, поселки Кутузовская слобода и Кунцево (в 1925 г. преобразован в город). По областной реформе 1929 г. поселения Фили, Фили-Покровское и Кутузовская слобода вошли в состав Москвы, а остальные населенные пункты – в Кунцевский район Московской области.

Западный пригород Москвы выделялся развитой инфраструктурой – сельским хозяйством и промышленностью. Здесь проживало более 14 тыс. человек: 9 тыс. горожан и 5 тыс. селян. Кроме коренных жителей, значительная часть населения являлась переселенцами из соседних губерний в пореформенный период, а также во время Первой мировой войны, революционных потрясений и гражданской войны. Среди них были крестьяне, мещане, купцы, священнослужители, чиновники и т.д.

Хронологические рамки темы охватывают период второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Это был период кризиса хлебозаготовок 1927/28 гг., перехода на нормированную карточную систему выдачи продовольствия, свертывания нэпа, начала индустриализации и коллективизации.

Тема положения «лишенцев» на рассматриваемой территории практически не изучалась. Имеются лишь отдельные сюжеты об участии «лишенцев» в промысловых занятиях, их положении в Кутузовской слободе и в селе Фили-Покровское [8].

В основу предпринятого исследования положен системный метод, предполагающий комплексный охват многообразных аспектов жизнедеятельности советских граждан, лишенных избирательных прав.

Цель статьи сводится к рассмотрению повседневной жизни такой категории населения, как «лишенцы» из среды сельского населения на территории западного предместья Москвы, их борьбы за выживание и восстановление в гражданских правах. Выясняются причины лишения людей гражданских прав и их правовая обоснованность. Особое внимание уделяется численности «лишенцев» и погодной динамике распределения. Немаловажное значение имеет вопрос об адаптации «лишенцев» к новым условиям жизни, взаимоотношения с властными структурами и с различными социальными слоями советского социума, последствия репрессивной политики государства.

Источниковой базой исследования являются документы, хранящиеся в архивах Москвы и Московской области (ЦМAM и ЦГАМО) и впервые вводимые в научный оборот. Источники представлены нормативно-законодательными актами, именованными списками «лишенцев» и их личными делами, протоколами заседаний избирательных комиссий различного уровня, жалобами и заявлениями лишенных избирательных прав, статистическими сводками, справками. К сожалению, часть документов не сохранилась. Многие архивные материалы были уничтожены во время наступления немецких войск на Москву осенью 1941 г. В частности, это относится к документам Козловского волостного исполнительного комитета (ВИК), Кунцевского районного исполнительного комитета (РИК), Фрунзенского РИК, местных финансово-налоговых учреждений.

Кроме того, после окончания кровопролитной гражданской войны в стране не хватало опытных кадров делопроизводителей, наблюдался дефицит бумаги, а оформление дел на «лишенцев» нередко проводилось небрежно, с ошибками в фамилиях и инициалах, неточностями в указании местожительства. Подобные дела доходили даже до Президиума ВЦИК. В избирательных комиссиях тексты документов печатались на бумаге разных размеров, цвета и качества, часто дела подшивались третьим или четвертым экземпляром документа с угасшим, трудно читаемым текстом. Несмотря на отмеченные недостатки, источники позволяют представить в целом картину реальной жизни «лишенцев» западного предместья Москвы на рубеже 20–30-х годов XX в.

О масштабах репрессивных действий властей по отношению к советским гражданам свидетельствует статистическая обработка личных дел «лишенцев» западного предместья Москвы за вторую половину 1920-х – первую половину 1930-х годов. Как следует из расчетов, начиная с 1925 г. и завершая 1930 г. происходит

неуклонный рост числа пораженных в правах по всем селениям. По деревне Мазилово с 1925 по 1930 г. общее число «лишенцев» увеличилось с 4 человек до 22 (возросло в 5,5 раза), а по деревне Фили – с 12 до 38 человек (возросло в 3,2 раза). В селе Фили-Покровское с 1928 по 1930 г. число лишенных гражданских прав возросло с 32 до 38 человек, а в деревне Давыдково их численность колебалась от 21 до 22 человек. Значительным был прирост пораженных в правах по Кутузовской слободе – с 22 до 98, т.е. в 4,5 раза. За эти годы общее число «лишенцев» составило: в 1928 г. – 161 чел., в 1929 г. – 214 чел. (увеличилось на 33%) и в 1930 г. – 247 человек (увеличилось на 15,4%). Подобное явление было характерно для всей Козловской волости (с 1929 г. Кунцевский район). По неполным данным местной избирательной комиссии, в 1925 г. здесь насчитывалось 216 «лишенцев», в 1926 г. – 292, а в 1931 г. – 964, (по сравнению с 1925 г. возросло в 4,5 раза) [9].

Как уже отмечалось, столь бурный рост численности «лишенцев» связан с усилением напряженности в общественно-политической и экономической жизни страны на рубеже 20-30-х годов XX в. Форсированными темпами осуществляется лозунг «ликвидации кулачества как класса», в состав которого нередко зачисляли не только середняка, но и бедняка, с одновременным включением их в категорию «лишенцев». Следует учитывать и административный нажим в выполнении плана по вопросу о лишении избирательных прав. 25 ноября 1928 г. на заседании поселковой избирательной комиссии в селе Фили-Покровское ее председатель Морозов, по существу, высказал мнение власти, заявив: «Список "лишенцев" очень незначителен, необходимо более тщательно проверить списки всех проживающих, дабы не могли скрыться чуждые элементы».

Нестабильная обстановка не могла не сказаться на политике Советского государства по отношению к лицам, лишенным избирательных прав. Происходит переход от умеренного и взвешенного курса по отношению к «лишенцам» к более жестким мерам и действиям. В частности, начинает учитываться фактор трудовой деятельности населения до революции, а с 1925 г. появляется новая категория – члены семьи «лишенца» [10].

Отметим, что в первой половине 1930-х годов происходит некоторое смягчение законодательства о «лишенцах»: право кулаков-лишенцев и их детей на реабилитацию и восстановление в правах на определенных условиях, усиление роли контрольных функций по учету лиц, пораженных в правах и т.п. Это явление заметно и в западном предместье Москвы: наблюдается постепенное уменьшение численности «лишенцев». По далеко не полным данным сохранившихся личных дел «лишенцев», в 1931 г. гражданских прав были лишены 66 чел., в 1933 г. – 47 чел., 1934 г. – 46 чел. и в 1935 г. – 7 человек (сохранились данные только по трем селениям из пяти). Аналогичная ситуация наблюдалась по всему Кунцевскому району: число «лишенцев» с 1931 по 1934 гг. сократилось с 964 до 421 человека, т.е. в 2,3 раза. По Конституции СССР 1936 года практика лишения избирательных прав была отменена [11].

Итак, анализ погодовой динамики численности «лишенцев» свидетельствует о том, что наивысший рост их количества приходится на 1928–1930 гг., т.е. на период кризиса в экономической, социальной и общественно-политической жизни страны.

Отметим, что доля «лишенцев» от общей численности взрослого населения по всем исследуемым селениям заметно колебалась. По наиболее сохранившимся источникам выборной кампании 1928/29 г. выясняется, что на долю «лишенцев» в Кутузовской слободе выходило 16,3%, в селе Фили-Покровское – 9,5%, в деревнях Давыдково – 9%, Фили – 7,1% и Мазилово – 5,8%. Именно в первых трех селениях были наиболее развиты торгово-промышленные занятия. Отдельные жители имели комбинированное хозяйство, которое включало выращивание продукции на рынок, торговлю, извоз, использование наемной рабочей силы, сдачу построек в аренду и т.п.

Конституция РСФСР 1925 года и нормативно-правовые инструкции по выборам за 1925, 1926, 1930 и 1934 гг. позволяют сгруппировать «лишенцев» по определенным категориям. Критерии такой группировки носили классовый характер и были направлены против зажиточных слоев населения, эксплуатирующих наемную силу, живущих на нетрудовые доходы и уклоняющихся от общественно-полезного труда [12].

По селениям западного предместья Москвы основные категории «лишенцев» распределялись следующим образом. Ведущее положение занимали частные торговцы – 33,5% к общему числу всех учтенных «лишенцев» (349 чел.), далее следовали селяне, живущие на нетрудовые доходы, – 12,3% и лица, прибегающие к наемному труду, – 10%. Эти три категории «лишенцев» составляли более половины (55,8%) от всех пораженных в правах. Немногим меньше трети (29,7%) приходилось на долю членов семей «лишенцев». Небольшую долю (5,1%) составляли священнослужители, которые проживали в селе Фили-Покровское, Кутузовской слободе и деревне Давыдково.

Среди торговцев выделялись Ф.Ф. Виноградов (дер. Фили), С.Я. Шифрин и И.Ф. Ковалев (дер. Давыдково), А.И. Цыганков (дер. Мазилово), В.Е. Надеждин (Кутузовская слобода) и многие другие. Судьба их оказалась незавидной: они были лишены гражданских прав и вынуждены свернуть свой промысел. Так, Ф.Ф. Виноградов, крупный торговец с дореволюционным стажем, устроился сторожем в колхозе «Пробуждение» на Филях. Богатый торговец и подрядчик И.Ф. Ковалев был раскулачен и выслан за пределы Кунцевского района, а А.И. Цыганков отправлен на поселение.

Житель Кутузовской слободы И.В. Поляков, использовавший наемную силу и имевший годовой доход до 4 тыс. руб., ежегодно просил восстановить его в правах, но постоянно получал отказ [13].

Избирательных прав лишались крупные подрядчики гужевого транспорта, использовавшие наемную рабочую силу. Среди подрядчиков дер. Мазилово выделялись В.И. Орлов, имевший до 20 наемных лошадей, в дер. Давыдково – И.Ф. Ковалев и Е.Н. Глебов, а в дер. Фили – Н.Н. Блохин, годовой доход которого от извоза достигал 12 тыс. руб. [14].

В соответствии с законодательством того времени к «лишенцам» относили и тех селян, кто жил на нетрудовые доходы, сдавая в аренду жилые и хозяйственные помещения дачникам, торговцам, рабочим, служащим местных предприятий. Отдельные домовладельцы от такого промысла получали высокий доход – от 1000 руб. и выше (крестьяне Я.В. Добушкин, М.А. Флегонтова, Ц.У. Сулова, и др.) [15].

В условиях борьбы с кулачеством и зажиточными крестьянами, опасаясь преследования властей, часть сельских жителей вынуждена была сворачивать свое хозяйство, распродавая имущество, скот, проводя раздел между ближайшими родственниками. В частности, крестьянин дер. Мазилово А.Т. Пронин в начале 1920-х годов имел 3 дома, 3 лошади, 4 коровы, а в конце – 2 дома, 1 лошадь и 2 коровы. Кроме того, он провел раздел хозяйства, выделив сыну дом и одну лошадь. Его односельчанин О.Т. Синицын вел активную торговлю, за бесценок арендовал землю у бедноты, имел три дома, два из них отдал дочери и сыну, срочно продал лошадь и корову. Отделились от родителей в дер. Фили А.М. Ястребов, И.А. Разбегаев и В.Н. Блохин, который получил при разделе надел земли, сруб, лошадь с упряжью и телегу. В Кутузовской слободе в зажиточной семье «лишенцев» Поляковых сын отделился от отца. Житель дер. Давыдково И.Ф. Ковалев в 1921 г. имел 8 лошадей, 5 коров и 8 наемных рабочих, а в 1930 г. – только 3 коровы. Крестьянка-«лишенка» А.А.Турзина из дер. Фили, отказываясь от недвижимости, все три собственных дома отдала в жилищно-арендное кооперативное товарищество (ЖАКТ). Жители села Фили-Покровское братья Оловянниковы продали свои мастерские и занялись мелким кустарным промыслом. Торговавший в течение многих лет житель дер. Мазилово В. Вольнов свернул свое занятие, оказался в группе бедняков и устроился работать на фабрику № 14 в г. Кунцеве. Не случайно газета «Вперед», печатный орган авиационного завода № 22 на Филях, писала: «Среди вновь принятых рабочих немало тех, кто продает свой скот, претворяются бедняками и поступают на завод».

Но и эти действия не всегда спасали таких сельских жителей: они, как правило, лишались гражданских прав, им также отказывали в праве на восстановление, мотивируя тем, что после раздела хозяйства прошел незначительный срок, или ставилась резолюция «заявление оставить без последствий». В частности, упомянутый В.Н. Блохин, отделившийся от отца-«лишенца» в 1927 г., в течение почти трех лет доказывал свою лояльность к власти. Он активно участвовал в различных общественных организациях и мероприятиях. Но только 16 апреля 1930 г. Московская окружная избирательная комиссия восстановила

его в избирательных правах, «как не находящегося в материальной зависимости от отца» [16].

Как уже отмечалось, клеймо «лишенец» означало коренное изменение всех сфер жизни человека, превращение его в изгоя. В условиях коллективизации и ликвидации кулачества как класса поражение в правах являлось веским основанием записи селянина в списки кулаков и раскулаченных, высылки из селения и ссылки в северные края в специальные лагеря и поселения. Об этом свидетельствуют документы по отдельным исследуемым селениям.

«Лишенцев» в первую очередь вносили в списки кулаков и раскулаченных. В начале 1930 г. число таких «лишенцев» составило: по деревням Фили – 16 чел., Давыдково – 27 чел., Мазилово – 4 чел. и Кутузовской слободе – 6 человек. Но ситуация заметно меняется после публикации 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» с резкой критикой местных властей за ошибки в организации колхозного движения [17].

10 апреля 1930 г. ВЦИК РСФСР издает Постановление «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении избирательных прав граждан». В нем, в частности, говорилось о создании при исполкомах особых комиссий для оперативного рассмотрения жалоб и заявлений «лишенцев» и правомерности включения в списки раскулаченных сельских жителей, включая «лишенцев». После проверки комиссии при Кунцевском РИК в списках раскулаченных остались: по деревням Фили – 3 чел., Мазилово и Давыдково по 1 чел. в каждой и в Кутузовской слободе – 4 человека. В целом в списке из 53 раскулаченных и лишенных прав осталось только 9 человек (16,8%). Подобные действия местных властей вызвали протест в отдельных сельских общинах. В частности, 21 июля 1930 г. на объединенном собрании сельского совета дер. Мазилово, крестьянской бедноты и правления колхоза «Верный путь» в количестве 282 человек было решено потребовать от властей оставить в списке раскулаченных богатых селян Мелентьевых, Сальниковых и О.Т. Сеницына. В постановлении собрания подчеркивалось, что «в этом деле совершенно не учитывалось мнение сельского совета, бедноты и колхоза. В этом вопросе обойдены деревенские организации». Однако местные власти лишь частично удовлетворили требование: оставлен в списках С.С. Сальников, который вскоре был выслан из деревни [18].

Для сельских жителей, пораженных в правах, вводились повышенные суммы сельхозналогов, размеры индивидуального обложения, твердые задания и т.п. К сожалению, имеются данные о размерах сельхозналога раскулаченных «лишенцев» только по двум селениям – Фили и Давыдково. По Филиям на такой двор в среднем выходило 314 руб., а Давыдково – 349 руб. Среди раскулаченных в дер. Фили выделялся А.В. Французов (платил 1437 руб.), а в Давыдково – И.Ф. Ковалев (1527 руб.). Что касается размеров индивидуального обложения, то в документах указаны данные только по отдельным хозяйствам «лишенцев». Как правило, его размеры определялись дополнительными доходами: сдача в аренду жилых и

хозяйственных построек, кустарные промыслы, съемка земли под посевы и т.п. Например, житель дер. Мазилово А.А. Мелентьев облагался 50%-ными поставками картофеля от собранного урожая. Индивидуальное обложение жителя Кутузовской слободы Ф.И. Борисова составляло 75% от суммы назначенного сельхозналога, то есть 169 руб. 50 коп. [19].

Большую угрозу для кулаков-«лишенцев» представляло принудительное выселение с места жительства. Особенно решительную позицию в этом вопросе занял сельсовет дер. Давыдково. 7 февраля 1930 г. совет постановил «всем лишенцам срочно выехать из пределов колхоза, а имущество описать и конфисковать». 29 июля 1931 г. Кунцевский РИК принимает радикальное решение о выселении за пределы района кулацкие хозяйства «лишенцев». По дер. Давыдково выселению подлежало 4 двора, а по дер. Мазилово – 9 [20].

В изучаемых селениях имело место выселение «лишенцев» в Северный край и Сибирь. В начале 1930-х годов в специальный лагерь Кузнецстрой были высланы зажиточные крестьяне из дер. Мазилово Е.В. Цыганков и дер. Давыдково И.Ф. Ковалев. Житель Мазилово Е.П. Бадаев за антисоветскую агитацию отбывал наказание в Беломоро-Балтийском лагере. В этом же лагере трудился бывший настоятель церкви Покрова в Филях А.С. Недумов. В 1933 г. в специальное поселение на севере были направлены жители дер. Мазилово П.П. Обуховник и М.З. Ращицкая. В том же году на север был сослан крестьянин-предприниматель из дер. Фили Н.Н. Блохин [21].

В сохранившихся документах встречаются данные о бытовых, материальных и семейных трудностях «лишенцев». 20 февраля 1928 г. крестьянин из дер. Давыдково И.Ф. Ковалев в своем заявлении сообщил о том, что у него отобрали членскую книжку кооператива и отказали в приеме в школу 2-й ступени 14-летнему сыну, «как сыну отца-лишенца». Жительница той же деревни Е.А. Бычкова в своей жалобе отметила, что пораженная в правах, оставшись без жилья и заборной книжки, «обречена с двумя детьми на голодную смерть». Отдельные сельские жители, лишённые гражданских прав, не имели возможности найти работу. В частности, житель Кутузовской слободы В.С. Головин в своем заявлении писал: «Я лишен сейчас работы лишь в связи с тем, что числюсь в списках лишенцев».

В условиях дискриминационных мер «лишенцы» искали любые пути и способы для благополучия своих семей. Одной из вынужденных защитных реакций было расторжение брака. В целях восстановления в правах и спокойной жизни детей на этот шаг обычно шли супруги священников. Так, в Покровской церкви в Филях, не выдержав давления властей и общественного прессинга, вынуждены были расторгнуть свои браки настоятель храма А.С. Недумов и священник А.А. Глаголев. Бывшая жена А.С. Недумова с сыном Николаем осталась в селе Фили-Покровское и снимала жилье у домовладелицы Н.Я. Гурьевой. А.А. Глаголев был женат на сестре А.С. Недумова Параскеве, имел сына и дочь. После развода с женой оставил дом и поселился в деревне Фили у церковного старосты

М.И. Ястребова. В период «большого террора» 20 августа 1937 г. о. Алексей был арестован и обвинен «в руководстве контрреволюционной церковно-монархической группой». По этому делу проходил также церковный староста М.И. Ястребов. 9 октября 1937 г. они были расстреляны на Бутовском полигоне под Москвой. 26 августа 1937 г. в Филях была арестована схимонахиня Александра (Мария Афанасьевна Червякова), обвиненная за участие в антисоветской группе А. Глаголева [22].

В соответствии с Конституцией РСФСР 1925 года и нормативными актами «лишенцы» могли подать заявление о восстановлении в правах. В исследуемых селениях этим правом воспользовалась большая часть «лишенцев». В нашем распоряжении имеются наиболее сохранившиеся списки «лишенцев», подавших заявления о восстановлении в избирательных правах, по избирательным кампаниям 1928/29 гг. и 1929/30 гг. Нами подсчитано, что в 1929 г. из 116 «лишенцев» 86 (74,1%) направили ходатайства о восстановлении их в правах. В 1930 г. таких желающих оказалось еще больше: из 166 «лишенцев» 131 (78,9%) подали заявления об исключении их из списка пораженных в правах. Подобное явление связано с надеждой на справедливое рассмотрение их дел в соответствии с упомянутым Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г.

Судя по документам, все «лишенцы» из деревень Мазилово и Давыдково, а также Кутузовской слободы подали подобные заявления. Однако часть «лишенцев» дер. Фили была настроена более скептически: из 39 человек подали заявления только 29 (74,4%). Еще большее недоверие в возможности восстановиться в гражданских правах выразили жители села Фили-Покровское: из 31 «лишенца» подали заявления лишь 6 человек (19,4%).

Избирательные комиссии тщательно подходили к рассмотрению заявлений «лишенцев». Но недостаточный уровень образования и слабое знание законодательных актов не могли не сказаться на решениях местных властей. По довольно неполным данным в западном предместье Москвы в избирательной кампании 1929 г. из 86 поданных заявлений о восстановлении в правах в 67 (77,9%) случаях было отказано. Причем высокий процент отказа был характерен для всех селений (колебался от 54,2% до 100%). Удовлетворены были заявления только 19 «лишенцев» (22,1%). Среди них были жители села Фили-Покровское (5 чел.), дер. Мазилово (10 чел.), Давыдково (4 человека).

Иная картина с восстановлением в правах наблюдается в 1930 г., когда количество поданных жалоб увеличилось до 131, то есть возросло на 52,3%. Восстановления в избирательных правах удалось добиться 53 заявителям (40,5%). Но по-прежнему большинство ходатайств отклонялось, хотя их доля была меньше, чем в 1929 г. (59,5% случаев против 77,9% в 1929 г.). Полностью отказано в восстановлении в правах «лишенцам» села Фили-Покровское (6 человек, все были торговцами). 19 заявлений (65,5%) не были удовлетворены по дер. Фили, а по дер. Давыдково – 8 (38,1%). По Кутузовской слободе было отказано по 32 жалобам

(54,2%), а 27 заявлений (47,8%) были удовлетворены. Особенно высокая доля отказов (81,2%) приходится на деревню Мазилово, в которой социальные отношения в общине носили напряженный характер.

Причины отказа в восстановлении в правах были различны, но все они, как правило, основывались на законодательных и нормативных актах. По дер. Мазилово обычно отказы были связаны с торговлей, применением наемного труда, нетрудовыми доходами. В избирательных комиссиях приводились и развернутые мотивы отказа: «отказать в восстановлении избирательных прав, как крупное кулацкое хозяйство индивидуального обложения». В дер. Фили нередко отказ в восстановлении был связан с тем, что у крестьянина «сельское хозяйство выходит за трудовое», то есть активно используется аренда земли и наемная рабочая сила, промыслы. В дер. Давыдково, как правило, лишали в гражданских правах за частную торговлю. Но были и оригинальные протокольные записи избирательной комиссии: «на работе не проявил себя как передовой работник». В Кутузовской слободе, ориентированной на торговлю, большинство жителей лишались прав как бывшие, так и действующие торговцы, нередко использующие наемную силу [23].

Документы позволяют выяснить мотивы, которыми пользовалась власть при решении вопроса о восстановлении в избирательных правах. Основными условиями для этого были: занятия общественно-полезным трудом в течение не менее пяти лет, лояльность к советской власти, положительные отзывы общественных организаций. В исключительных случаях избирательные комиссии пытаются смягчить недовольство населения по поводу несправедливого лишения избирательных прав. Из-за нечетких формулировок нормативных документов, субъективных факторов, связанных с низким уровнем квалификации и образования членов местных комиссий, личной враждой и местью односельчан и т.п., имело место ошибочное вынесение приговора о поражении в правах. В частности, были случаи, когда в списки «лишенцев» попадали середняки и бедняки. Так, при рассмотрении жалоб по избирательной кампании 1928/29 г. в дер. Мазилово выяснилось, что в списки «лишенцев» ошибочно или осознанно внесли два бедняка и пять середняков. В 1930 г. среди «лишенцев» оказался И.И. Вольнов, хозяйство которого было бедняцким и освобождено от сельхозналога. В дер. Давыдково в 1929 г. из списка «лишенцев» был снят И.М. Глебов, имеющий бедняцкое хозяйство. Формулировки протокольных записей Козловской избирательной комиссии по вопросу о восстановлении в правах были разнообразны и соответствовали духу того времени. В частности, отмечалось: «лоялен к Советской власти», «как ведущий трудовое крестьянское хозяйство», «как занимающегося сельским хозяйством без применения наемного труда», «как ошибочно лишеного избирательных прав», «как окончивший торговлю в 1927 г.» и т.д. [24]

Несправедливость в решении вопросов о поражении в правах вела к негативной реакции и доносам со стороны отдельных крестьян. В январе 1929 г. житель дер. Мазилово М.С. Соколов подает заявление в Козловский ВИК с

просьбой объяснить причины нелишения избирательных прав четырех односельчан, имеющих наемную силу и занимающихся гужевым промыслом. Сам заявитель был активным общественником: добровольцем пошел в Красную армию, был одним из организаторов комсомольской ячейки в деревне, являлся членом культурно-просветительского кружка молодежи при местном клубе. Однако в декабре 1928 г. по дополнительному списку собрания бедноты был лишен гражданских прав за кустарное производство головных уборов с привлечением труда квартирантов, проживавших в его доме. Реакция волисполкома на его заявление была незамедлительной: председатель Титов потребовал «в срочном порядке произвести рассмотрение в отношении лишения избирательных прав лиц, указанных в заявлении Соколова». Судя по документам, местная избирательная комиссия 10 января 1929 г. восстановила гражданские права названных лиц, но Соколову было отказано. Не скрывая чувства обиды, борясь за справедливость, он пишет, по существу, донос на односельчан. После рассмотрения дела в апреле 1929 г. он был восстановлен в правах, а прежние решения по поводу односельчан остались в силе. Имели место и прямые доносы против отдельных граждан-«лишенцев». Сохранилось дело по ложному анонимному обвинению одного из жителей дер. Мазилово, «лишенца», работающего на авиазаводе в Филях, в аморальном поведении и халатном отношении к работе. Но указанные факты не подтвердились. Как видим, антиобщественная черта доноительства, подлежащая моральному осуждению, иногда проявлялась у сельского населения.

Отдельные «лишенцы», стремясь восстановить гражданские права, пытались скрыть компрометирующие их факты, в том числе поражение голоса, использование наемного труда, занятия частной торговлей. Так, по дер. Давыдково установлено тайное использование рабочей силы крестьянином П.И. Блохиным в течение 1926–1929 гг. [25].

Нередко ходатайство о восстановлении права голоса занимало довольно длительное время. В соответствии с инструкциями о выборах заявитель и избирательные комиссии должны были подготовить многочисленные документы для решения вопроса о восстановлении в правах. Для сельского жителя, кроме различных справок биографического характера, необходимы были сведения о размерах его хозяйства до революции и после, где и когда служил в Красной армии, как облагалось хозяйство налогами за последние пять лет, подвергалось ли оно раскулачиванию и т.д. Несмотря на бюрократические преграды, часть «лишенцев» боролась за снятие клейма, проходя все инстанции, начиная от сельских избирательных комиссий и завершая Президиумом ВЦИК. По сохранившимся отрывочным данным подсчитано, что по инстанциям 2-3 года ходило более половины (56,5%) заявителей, 4–6 лет – более трети (34,8%) «лишенцев». Такой длительный путь прошли некоторые жители исследуемых селений. Лишь часть из них добилась восстановления в правах, а многие получили отказы. В Президиуме ВЦИК по дер. Мазилово из 6 рассмотренных заявлений 5 не были удовлетворены, по дер.

Давыдково из 5 были восстановлены в правах 2, а по дер. Фили также 2. В итоге из 13 рассмотренных в ВЦИК заявлений только по 5 было решено восстановить право голоса (М.З. Кацев, И.П. Бычкова, Е.П.Коньков, М.Н.Блохин, Орлова-Антонова) [26].

Следует отметить, что заявления «лишенцев» являются важным источником по изучению не только социально-экономической жизни, но и общественно-политического сознания различных слоев населения изучаемых селений. Среди сохранившихся заявлений особо следует выделить ходатайства о восстановлении в правах Я.В. Добушкина 1863 г. рождения, коренного жителя дер. Мазилово, церковного старосты Знаменского храма в Кунцево. В них дается оценка положения престарелого «лишенца», обремененного сельскохозяйственным налогом и индивидуальным обложением, его взаимоотношений с сельским миром и местной властью и т.п. В течение 1928–1931 гг. он обращался в пять инстанций с просьбой восстановить в правах, но везде получал отказ, включая ВЦИК. Мотив был один – нетрудовой доход в сумме 700–1000 руб., получаемый за счет сдачи в аренду трех собственных домов. В конце 1920-х годов хозяйство приходит в упадок: для обработки земли приходилось нанимать рабочую силу, а приносивший доход картофель «сгнил в поле». Для положительного решения дела о восстановлении в правах и ввиду своего преклонного возраста он отказался от полевого надела и 150 кв. саж. усадебной земли в пользу сельской общины. В заявлении от 8 января 1929 г. в сельскую избирательную комиссию он указывает, что, являясь безземельным, вынужден «прибегать к сдаче помещений, и, следовательно, доход от этого является необходимым средством к существованию». 10 января 1929 г. Добушкин был лишен избирательных прав за использование наемной рабочей силы и нетрудовой доход. Это решение 19 января было утверждено Козловской избирательной комиссией. По ее заключению в собственном хозяйстве «ни земли, ни скота и орудий земледелия нет». Безуспешными оказываются попытки решить дело в Московской областной избирательной комиссии: «жалобу мою оставили без последствий». 28 июня 1931 г. Добушкин направляет заявление во ВЦИК. Документ подготовлен юридически грамотным языком, при этом автор ссылается на нормативные акты, пытаясь обосновать законность своих суждений. При составлении заявления ему явно помогали юридически образованные люди. По его мнению, отсутствие полевого надела и усадебной земли не дают основания применить к нему ст. 15 пункт «е» инструкции о выборах 1930 г. Наличие хозяйственных и жилых построек «не являются основанием для лишения меня и моей жены, избирательных прав». Обосновывая это положение, Добушкин подчеркивает, что постройки «являются результатом производства и общественно-полезного труда всей моей жизни, как крестьянского мелкого кустаря-ремесленника». Заявитель подчеркивает, что подобная ситуация складывается у многих крестьян дер. Мазилово, но они платят не сельскохозяйственный налог, а подоходный. С этим положением автора согласиться трудно: большинство его односельчан, занимаясь

также мелким кустарным промыслом (изготовлением клеток для ловли птиц) и извозом, платили также сельхозналог. Интересны его мысли о доходах, расходах и прожиточном минимуме. По его мнению, при доходе от 700 до 1000 руб. следует учитывать расходы по содержанию жилых и хозяйственных построек. В этом случае доход, «в сущности, сводится к элементарному для двух лиц прожиточному минимуму». Добушкин ставит вопрос о нетрудовом доходе, подчеркивая неправильность подобной формулировки. Его рассуждения по этому поводу сводятся к следующему: «Всю жизнь свою, – пишет он, – я занимался крестьянским трудом и по зимам работал птичьи клетки. Работая день и ночь, отказывал себе часто в самом необходимом, делал сбережения, на какие и возвел имеющиеся у меня постройки». Исходя из этого положения, Яков Викторович заключает: «Таким образом, мои постройки представляют собой реализованный мой труд, а доход с них – это та рента, которая является следствием всей моей многолетней трудовой жизни». При этом он замечает: «Доход мой, на котором я живу, опорочить никак нельзя и квалифицировать его нетрудовым невозможно». Касаясь вопроса о сборе налогов, Добушкин приводит расчеты по своему хозяйству. За все сборы и налоги было выплачено 861 руб., в том числе сельхозналог составлял 324 руб., самообложение – 162 руб., культурное строительство – 324 руб. и страхование – 51 руб. От дохода в 1000 руб. осталось на расходы 139 руб. И автор заявления делает вывод, что «доход ... изъят у меня весь сполна, и я остался без всяких средств к существованию. Я и жена превратились в нищих». В заключении своего горестного повествования Я.В. Добушкин указывает, что пункты избирательной инструкции от 1930 г. «применены ко мне по формальным признакам и совершенно не основательны по существу». Что касается нетрудового дохода, то автор четко указывает, что его труд «будучи плодом всей моей трудовой жизни, является законно приобретенной моей трудовой рентой и вместе с тем единственным источником моего существования». Разумеется, с подобными антисоветскими взглядами власти согласиться не могли, о восстановлении в правах не могло быть и речи.

Мысль о том, что все имущество нажито справедливым и честным трудом, часто проходит в жалобах крестьян-лишенцев деревень Мазилово, Фили и Давыдково. По этому поводу очень трогательно написал в своем заявлении от 25 января 1930 г. житель дер. Фили А.В. Французов. Вернувшись из плена в 1919 г., он пишет: «Лошадь купить было не на что, и я продал последнюю одежду, лишь бы быть крестьянином и иметь лошадь. Я работал из всех сил, обкрадывая себя в куске хлеба». Подобный подход к вопросу о восстановлении в правах давал основание оспорить тезис властей о нетрудовых доходах как одного из основных мотивов лишения гражданских прав [27].

Сохранились заявления и от «бывших», проживающих на территории Филевско-Кунцевской местности – крупных землевладельцев, служащих, купцов, мещан. Среди этой категории «лишенцев» особо следует выделить заявления «бывших»: А.Г. Гурьевой, дочери царскосельского купца, управлявшего имением

Э.Д. Нарышкина в селе Фили-Покровское Г.П. Гурьева и ее невестки, вдовы Н.Я. Гурьевой. В 1928 г. местной поселковой избирательной комиссией они были лишены избирательного права как «бывшие дворяне», живущие на нетрудовые доходы. Однако такая формулировка поражения в правах их не устраивала. В своей жизни они испытали революционное лихолетье, ненависть к дворянскому сословию, были свидетелями конфискации у них земельных угодий, политики уплотнения жилья, враждебного подхода новой власти к «бывшим». Заявители считали необоснованным лишение их гражданских прав. В своем заявлении от 12 января 1929 г. А.Г. Гурьева отмечает, что она «категорически протестует против возведения во дворянство», подчеркивая, что ее род более 100 лет тому назад относился к крепостным крестьянам Нарышкиных. Ее встревожило то, что не только поселковая избирательная комиссия, но и волостная подтверждает факт дворянского происхождения Гурьевых. В новых условиях политической жизни, имея большой жизненный опыт, она прекрасно осознавала опасность иметь дворянские родовые корни. Глубоко верующая и воспитанная, получившая блестящее образование, она не могла противопоставить себя злу и насилию. Судя по заявлению, Александра Григорьевна испытывала значительные материальные затруднения: сбор с квартирантов составлял 50 руб. в месяц, часть из которых шла на содержание дома, страховку и налог. Дополнительным заработком было преподавание музыки в школах Кунцева, но она попала под сокращение штата; редкими для нее были частные уроки. В конце февраля 1929 г. А.Г. Гурьева была восстановлена в правах, «как работающая по найму частными уроками». Однако ее благосостояние не улучшалось. Очевидцы вспоминали, что А.Г. Гурьева часто приходила на почту в поселке Фили-Покровское, читала и писала письма неграмотным жителям, получая небольшое вознаграждение. Александра Григорьевна скончалась от сильного истощения осенью 1942 г.

Более содержательными и решительными были заявления ее невестки Н.Я. Гурьевой. Получив аналогичное извещение о лишении избирательных прав, как бывшая дворянка, живущая на нетрудовые доходы, 17 ноября 1928 г. она пишет жалобу с требованием отменить это решение поселковой избирательной комиссии. Обосновывая свой тезис, Н.Я. Гурьева ссылается на ст. 68 п. «а» Конституции РСФСР и ст. 17 Инструкции о выборах городских и сельских советов от 4 ноября 1926 г. Заявитель указывает на свой преклонный возраст (60 лет), а также на то, что находится на иждивении племянника. В заявлении особо подчеркивается, что ее в течение 11 лет не лишали права голоса. В документе особо отмечается, что «согласно существующим законам СССР, отношусь к категории нетрудоспособных». В категорической форме она отвергает все надуманные обвинения в ее адрес. В частности, в документе затрагиваются вопросы о ее социальном происхождении и доходах. Надежда Яковлевна пишет: «По происхождению моему дочь заведующего почтой в г. Ельце; торговлей никогда не занималась, никаких нетрудовых источников дохода не имею».

Объясняя наличие у нее дачи и ее эксплуатацию, Н.Я. Гурьева обоснованно утверждает, что «плату получает с жильцов, исключительно рабочих и служащих, платящих по Декрету». В месяц сумма квартплаты составляет 50 руб. Одновременно в заявлении ставится вопрос о правомерности ее собственности на дачу. Надежда Яковлевна резонно замечает: «То, что я имею дачу, не может служить основанием к лишению избирательных прав, т.к. многие граждане в поселке имеют собственные дачи, однако гражданских прав не лишаются». В заключение она заявляет: «С момента образования Советской республики никогда избирательных прав не была лишена, и не вижу никаких причин к лишению меня такового права».

Заявления А.Г. и Н.Я. Гурьевых 25 ноября 1928 г. рассматривала поселковая избирательная комиссия. Многие члены этой комиссии работали на авиазаводе № 22. Председателем комиссии был Сухов, один из будущих инициаторов попытки закрыть храм Покрова в Филях – уникального памятника церковного зодчества конца XVII в. На заседании председательствующий заявил: «Заявления Гурьевых неосновательны. Если они в течение 11 лет не были лишены избирательных прав, то это упущение избирательной комиссии». Исход дела был ясен: лишение избирательных прав. Это постановление 1 марта 1929 г. поддержал Президиум Козловского ВИК, заметив, что Н.Я. Гурьева «не проявила себя на общественно-полезной работе». Родственники Надежды Яковлевны потребовали дело Гурьевых рассмотреть в Московской уездной избирательной комиссии. В феврале 1929 г., рассмотрев представленные документы, комиссия восстановила Н.Я. и А.Г. Гурьевых в правах.

Аналогичным оказалось дело еще одного из «бывших», А.Н. Решетилова. В той же поселковой избирательной комиссии 13 января 1929 г. он был лишен гражданских прав, «как бывший дворянин». В своем заявлении от 15 января того же года он отмечает, что родом не дворянин, а казак из Полтавской губернии, служил с 1892 по 1919 г. в Минском отделении бывшего Государственного земельного банка. В советское время работал в различных учреждениях, а также был безработным в течение семи лет. Заявитель резонно заключает: «Я не могу быть приписан к нетрудовым элементам, т.к. всю жизнь я существую на заработки по службе и на пособие по безработице». Стремясь исправить собственную оплошность в определении социального происхождения Решетилова, избирательная комиссия лишь меняет формулировку лишения прав: вместо дворянского сословия указывает, что был непременным членом Минского отделения Крестьянского земельного банка. При этом председатель поселковой комиссии Фили-Покровское Морозов информирует председателя Козловского ВИК: Решетилов «тип антисоветский, прими меры». Понятно, что при такой характеристике статус А.Н. Решетилова как «лишенца» измениться не мог, и он по-прежнему оставался безработным, перебиваясь случайными заработками.

Из среды церковнослужителей сохранились заявления за 1928–1929 гг. псаломщика церкви Покрова в Филях П.И. Успенского. В условиях гражданской войны в поисках работы и жилья в 1920 г. он поступил на вакантное место псаломщика в храм Покрова в Филях. Однако в условиях гонения на церковь и духовенство в 1923 г. он увольняется из церкви Покрова. Вновь начинаются поиски работы, устройство временно на должность преподавателя пения, бесконечные попытки найти постоянное место службы. В 1928 г. избирательная комиссия в поселке Фили-Покровское, где проживала его семья, лишает главу семейства избирательных прав, как служителя культа. Понимая, что с таким клеймом трудно найти работу, он начинает принимать активные меры по восстановлению в гражданских правах. В 1928–1929 гг. в Козловскую избирательную комиссию были направлены два заявления о незаконном поражении его в правах. Заявитель справедливо подчеркивает, что законодательными и нормативными актами псаломщики не подлежат лишению политических прав. К заявлениям постоянно прилагались документы, характеризующие его трудовую и общественную деятельность. Однако его утверждение о том, что псаломщиком он был до 1921 г., не соответствует действительности. Сохранилась клировая ведомость за 1923 г., в которой в качестве псаломщика указана его фамилия. 4 февраля 1929 г. Козловская избирательная комиссия, не вдаваясь в подробности его трудовой деятельности, восстановила его в политических правах, «как работающего по найму в течение 25 лет» [28].

Как видим, несмотря на различное социальное происхождение, «лишенцы» в заявлениях нередко твердо отстаивают собственные позиции, оспаривают обвинения властей в наличии нетрудовых доходов, особо подчеркивают свою трудовую деятельность.

Итак, положение «лишенцев» в западном предместье Москвы как в зеркале отражает общую картину их действительного состояния по всей территории страны. В социально-экономическом отношении разоряется и превращается в маргиналов значительный слой населения. В общественно-политической жизни разрываются семейные и общинные традиции и устои. Одновременно правящая элита укрепляет свои позиции, устраняя неугодные группы населения и используя затем накопленный опыт для репрессий во время «большого террора» 1936–1938 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // <http://kremlin.ru/events/president/news/53440> (дата обращения: 15.07.2023).
2. Похалюк К.А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // Российская

- политика. – 2018. – № 4 (191). – С. 6-31; Карпова Н.В. Историческое познание общества как элемент политической культуры // Теория и политика общественного развития. – 2022. – № 12. – С. 44-50.
3. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.): Сб. ст. Отв. ред. В.М. Кириллов. – Екатеринбург, 1997; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2005; Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Исследование социальной политики. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 483-496; Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция: Сб. ст. - См.: М.: РОССПЭН, 2011. – С. 538-545.
 4. Красильников А.С. На изломе социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). – Новосибирск: НГУ, 1998; Салматова М.С. Лишенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Сост. Ю.И. Голиков, С.А. Красильников, В.И. Линкин. – М.: Политическая энциклопедия. - Изд. 2-е. – М., 2017. – С. 31-142; Смирнова Т.М. «Бывшие» люди Советской России: стратегия выживания и пути интеграции. 1918–1936 годы. – М.: Мир истории, 2005; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на примере Смоленской губернии и Западной области): Смоленск.: Маджента, 2012.
 5. Белоновский В.Н., Кальгина А.П. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 3. – С. 15-19; Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 403. – С. 82-86; Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 52-54.
 6. Тихонов В.И., Тяжелников В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е гг. Новые архивные материалы и методы обработки. – М.: Мосгорархив, 1998; Салматова М.С. Краткий обзор массовых источников, содержащих сведения о лишенных избирательных прав (1926–1936) // Материалы к семинарам-тренингам. Сост. В.М. Кириллов. – Н.Тагил. – 2002. – С. 301-322.
 7. Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников: Док. сб. Состав.: И.Б. Борисов, Н.А. Веденеев и др. – М.: РОИИП, 2010; Черенин Н.Н. Дневник лишенца. Кашин в 1930–1931 гг. – М., 2011: Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. док-тов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996.

8. Михайлов Б. Храм в Филях. История прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях XVII–XX века. – М.: ОГИ, 2002. – С.179-180, 193-194, 191, 201, 217; Прохоров М.Ф. Из истории Кутузовской слободы в 1900–1930-е годы // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. – М.: Изд-во ЦГА Москвы, 2004. – С. 153-157; Прохоров М.Ф. Кустарно-промысловые занятия сельских жителей и их кооперирование в Западном Подмоскowie в годы нэп // Актуальные проблемы региональной истории: Мат-лы III Всерос. науч. конф. – Ижевск, ИГУ, 2022. – С. 223-232.
9. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф.65. Оп.3. Д.44; Ф.744. Оп.1. Д.534. Л.135, 153, 174; Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.41-46; Д.3. Л.91-97; Д.7. Л.30-32, 80; Д.40. Л.83-85; Д.42. Л.61-62; Д.173. Л.7-12,43; Д.302. Л.10-12.
10. ЦГАМО. Ф.2213. Д.1. Л.144; Красильников С.А. На изломах социальной структуры. – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 15-17; Ергина Н.М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельской местности Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – С. 84-89.
11. Центральный муниципальный архив Москвы (далее – ЦМАМ). Ф.3118. Оп.1. Д.53. Л.2; Д.57. Л.5; Д.71. Л.1-12; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.35. Л.20; Д.41. Л.33, 36, 70, 106, 187, 194, 227, 274; Д.53. Л.21, 29, 31; Д.55. Л.6-8; Д.416. Л.70, 184.
12. Институт выборов в Советском государстве... – С. 86, 103-104, 114-117; СУ РСФСР. – 1930. – № 154; СЗ СССР за 1934. – № 50. Ст. 395.
13. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-17; Д.50. Л.65-67; Д.71. Л.1-12.
14. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.57. Л.3-4.; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-14; Д.173. Л.31-33.
15. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.31. Л.25-26; Д.142. Л.8; Д.173. Л.39, 42.
16. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.427. Л.2-3; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-17; Д.31. Л.25-28; Д.53. Л.161; Д.87. Л.1-2; Вперед. 30 нояб. 1930 г.
17. Сталин И.В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // Сочинения. – М.: ОГИЗ, ГИПЛ. – 1949. – Т. 12. – С. 191-199.
18. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.28. Л.48-49; Д.31. Л.25-27; СУ РСФСР. – 1930. – № 18.
19. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.29. Л.56; Д.173. Л.39, 42.
20. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.31. Л.203, 238; Д.50. Л.65-67.
21. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.53. Л.3; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.35. Л.19; Д.53. Л.2.
22. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.7. Л.38; Михайлов Б. Указ. соч. – С. 216-217.
23. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.4. Л.61; Д.7. Л.19 -20; Д.18. Л.1-14, 27-29; Д.35. Л.12, 15; Д.53. Л.29; Д.173. Л.10, 12.
24. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.7. Л.2; Д.18. Л.1-19, 82; Д.31. Л.304; Д.42. Л.63; Д.87. Л.1-2.

25. ЦГАМО. Ф.261. Оп.1. Д.104. Л.24; Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.81; Д.9. Л.9; Д.41. Л.6; Д.173. Л.5-27.
26. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.41. Л.305; Д.55. Л.21, 25.
27. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.3. Л.6, 58-59; Д.31. Л.281, 290-291, 304; Д.142. Л.2-9; Д.173. Л.20-22.
28. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.144; Д.3. Л.92-93; Д.302. Л.1-12, 15-18; Б. Михайлов. Указ. соч. – С. 180, 191-194.

REFERENCES

1. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights. <http://Kremlin.ru/events/president/news/53440> (date of address: 15.07.2023).
2. Pokhalyuk K.A. Historical Past as the Basis of Russian Policy. On the example of Vladimir Putin's speeches in 2012-2018. Russian Politics. 2018. № 4 (191). P. 6-31; Karpova N.V. Historical cognition of society as an element of political culture. Theory and policy of social development. 2022. № 12. С. 44-50.
3. History of Repressions in the Urals: Ideology, Policy, Practice (1917-1980s): Collection of articles. Ed. by V.M. Kirillov. - Ekaterinburg, 1997; Morozova N.M. Deprivation of electoral rights on the territory of Mordovia in 1918-1936: Author's thesis. ... kand. ist. nauk. - Saransk, 2005; Fedorova N.A. Lichentsy 1920-ies: Soviet estate of outcasts. Social Policy Research. 2007. Т. 5. № 4. С. 483-496; Bakhtin V.V.. Deprivation of electoral rights (on the materials of the Voronezh region). History of Stalinism: repressed Russian province: Collected articles. = See: M.: ROSSPEN, 2011. С. 538-545.
4. Krasilnikov A.S. On the break of social structure: marginalised people in post-revolutionary Russian society (1917 - late 1930s). -Novosibirsk: NSU, 1998; Salmatova M.S. Lichentsy. Marginaly v sotsium. Marginalised as a society. Siberia (1920-1930s). Compiled by Y.I. Golikov. Y.I. Golikov, S.A. Krasilnikov, V.I. Linkin. - Moscow: Political Encyclopaedia. - Ed. 2nd. - M., 2017. - С. 31-142; Smirnova T.M. "Former" people of Soviet Russia: strategy of survival and ways of integration. 1918-1936 years. M.: Mir istorii, 2005; Valuev D.V. Lishentsy v sisteme sotsial'nykh sotsial'nykh relatsii (1918-1936) (on the example of Smolensk province and Western region). See: Smolensk: Magenta, 2012.
5. Belonovsky V.N., Kalgina A.P. Legal status of the deprived and the degree of their threat to the Soviet power. Education. Nauka. Nauchnye cadres. 2014. № 3. P. 15-19; Moskalenskaya D.N. Deprivation and restoration in the electoral rights of Orthodox clergy of Western Siberia in the mid-1920s - mid-1930s. Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 403. P. 82-86; Pankratova O.B., Pisanov S.S. The policy of depriving the peasantry of electoral rights in the 20s - 30s of the XX century and its consequences. Vestnik of Kostroma State Univ. 2018. № 3. С. 52-54.

6. Tikhonov V.I., Tyazhelnikov V.S., Yushin I.F. Deprivation of voting rights in Moscow in 1920-1930s. New archival materials and methods of processing. - Moscow: Mosgorarkhiv, 1998; Salamatova M.S. A brief review of mass sources containing information about the deprived of voting rights (1926-1936). Materials for seminars and trainings. Compiled by V.M. Kirillov. V.M. Kirillov. N.Tagil. 2002. С. 301-322.
7. Institute of Elections in the Soviet State 1918-1937 in documents, materials and perception of contemporaries: Dok. sb. Composition: I.B. Borisov, N.A. Vedenev et al. Moscow: ROIIP, 2010; Cherenin N.N. Diary of a deprived person. Kashin in 1930-1931. M., 2011: Social portrait of the deprived (on the materials of the Urals): Sb. docs. Ekaterinburg: Izd-vo UrSU, 1996.
8. Mikhailov B. The Temple in Fili. History of the parish of the Church of the Intercession of the Most Holy Mother of God in Fili of the XVII-XX centuries. M.: OGI, 2002. P.179-180, 193-194, 191, 201, 217; Prokhorov M.F. From the history of Kutuzovskaya Sloboda in 1900-1930s. The Epoch of the Napoleonic Wars: People, Events, Ideas. Moscow: Izd-vo TsGA Moscow, 2004. P. 153-157; Prokhorov M.F. Artisanal and craft activities of rural residents and their co-operation in the Western Moscow region in the years of the NEP. Actual problems of regional history: Proceedings of the III All-Russian scientific conference. Izhevsk, IGU, 2022. P. 223-232.
9. Central State Archive of the Moscow Region (hereinafter - TsGAMO). Ф.65. Op.3. D.44; F.744. Op.1. Д.534. L.135, 153, 174; F.2213. Op.1. Д.1. L.41-46; D.3. L.91-97; D.7. L.30-32, 80; D.40. L.83-85; D.42. L.61-62; D.173. L.7-12, 43; D.302. Л.10-12.
10. TSGAMO. Ф.2213. Д.1. L.144; Krasilnikov S.A. On the breaks of the social structure. Novosibirsk: NSU, 1998. P. 15-17; Ergina N.M. Deprivation of voting rights in the campaign of elections to the Soviets in 1928-1929 in the national regions of the Volga region (on the example of rural areas of Mordovia and Tatarstan). Izvestiya Altayskogo gos. un-ta. - 2011. P. 84-89.
11. Central Municipal Archive of Moscow (hereinafter - CMAM). Ф.3118. Op.1. Д.53. L.2; D.57. L.5; D.71. L.1-12; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.35. L.20; D.41. L.33, 36, 70, 106, 187, 194, 227, 274; D.53. L.21, 29, 31; D.55. L.6-8; D.416. Л.70, 184.
12. The Institute of Elections in the Soviet State... - P. 86, 103-104, 114-117; SU RSFSR. - 1930. - No. 154; NW of the USSR for 1934. - № 50. Art. 395.
13. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-17; D.50. L.65-67; D.71. Л.1-12.
14. CMAM. Ф.3118. Op.1. D.57. L.3-4; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-14; D.173. Л.31-33.
15. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.31. L.25-26; D.142. L.8; D.173. Л.39, 42.
16. CMAM. Ф.3118. Op.1. Д.427. L.2-3; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-17; D.31. L.25-28; D.53. L.161; D.87. L.1-2; Vpered. 30 November 1930.
17. Stalin, I.V. Dizziness from success: on the issues of the collective farm movement. Works. - Moscow: OGIZ, GIPL. 1949. Vol. 12. P. 191-199.
18. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.28. L.48-49; D.31. L.25-27; SU RSFSR. 1930. NO. 18.

19. TSGAMO. F.2213. Op.1. Д.29. L.56; D.173. Л.39, 42
20. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.31. L.203, 238; D.50. Л.65-67.
21. TSAM. Ф.3118. Op.1. Д.53. L.3; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.35. Л.19; Д.53. Л.2.
22. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.7. L.38; Mikhailov B., op. cit.
23. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.4. L.61; D.7. L.19-20; D.18. L.1-14, 27-29; D.35. L.12, 15; D.53. L.29; D.173. Л.10, 12.
24. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.7. L.2; D.18. L.1-19, 82; D.31. L.304; D.42. L.63; D.87. Л.1-2.
25. TSGAMO. Ф.261. Op.1. Д.104. L.24; F.2213. Op.1. Д.1. L.81; D.9. L.9; D.41. L.6; D.173. Л.5-27.
26. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.41. L.305; D.55. Л.21, 25.
27. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.3. L.6, 58-59; D.31. L.281, 290-291, 304; D.142. L.2-9; D.173. Л.20-22.
28. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.1. L.144; D.3. L.92-93; D.302. L.1-12, 15-18; B. Mikhailov. Op. cit. p. 180, 191-194.

Информация об авторе: Прохоров Михаил Федорович, профессор, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».125438, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.32 А.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Prokhorov Mikhail Fedorovich, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Tourism and Hospitality (Moscow) (branch) FSBEI VO "Russian State University of Tourism and Service".125438, Moscow, Kronstadtsky Boulevard, 32 A.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 27.06.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

Прохоров М.Ф. 2023

© «ИСОМ». 2023